

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-80-82

З.Ю. ПЕТРОВА

Н.А. Фатеева. Поэзия как филологический дискурс

Новая книга Натальи Фатеевой, известного специалиста в области лингвистической поэтики, представляет собой многоаспектное исследование метаязыковой составляющей поэтического текста. Автор на обширном материале, охватывающем два с лишним века развития поэтического языка, показывает, как поэты в своих текстах описывают свое творчество: процесс рождения стиха, различные единицы стиховой организации текста, его языковые особенности. Большой корпус привлекаемых для анализа текстов позволил исследователю рассмотреть каждое изучаемое явление в его эволюции. Автор убедительно показывает, как по мере развития поэтического языка проявляется тенденция к усилиению метаязыковой рефлексии; описываемые поэтами лингвистические явления и термины становятся все более специальными, их круг расширяется, характеризуя все уровни языка. Особое внимание уделяется языку поэзии рубежа XX–XXI вв., в котором, помимо широкого диапазона лингвистической и стиховедческой терминологии, наблюдаются разнообразные девиации на всех уровнях его организации (фонетико-орфографическом, словообразовательном, лексико-семантическом, грамматическом), которые

уже давно входят в круг исследуемых автором книги языковых явлений (в частности, см. монографию «Открытая структура. О поэтическом языке и тексте рубежа XX–XXI веков»). В рецензируемой книге креативный характер девиаций в современной поэзии исследуется под углом зрения заданной темы – в метапоэтическом ракурсе.

В центре внимания исследователя давно находятся интертекстуальные явления, междисциплинарный и интермедиальный аспекты изучения поэтического языка. Все они органично вошли в исследование поэтического творчества как филологического дискурса. Интертекстуальные параллели многократно исследуются автором при выяснении мотивации девиаций, при изучении идиостильных особенностей проявления метапоэтического начала. Междисциплинарный подход проявляется в том, что язык в роли метаязыка рассматривается автором и как язык геометрических терминов (при изучении их роли в творчестве Набокова), и как язык философии (в заключительном разделе о метаязыковой рефлексии в «филологической поэзии», сближающейся с философией языка). Интермедиальность характеризует изучение отражения принципов живописи в метаязыке поэзии (в разделе о Казимире Малевиче).

Рецензируемая книга, безусловно, отличается новизной, так как не имеет аналогов ни по широте охвата исследуемого материала в плане его временных рамок, ни по широте диапазона анализируемых аспектов метаязыковой составляющей поэтического текста. Хотя в основу книги легли уже опубликованные работы автора, здесь они, будучи подчинены исследуемой теме, значительно переработаны и дополнены и приобрели новый ракурс в составе единой цельной монографии. Надо отметить также обширный и продуманный список литературы и предлагаемый автором интереснейший словарь слова языка метапоэтических

М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

Зоя Юрьевна Петрова, ведущий научный сотрудник

E-mail: zoyap@mail.ru

Институт русского языка имени В.В. Виноградова, Российской академии наук

ул. Волхонка, д. 18/2, Москва, 119019, Россия
Vinogradov Russian language Institute, Russian Academy of Sciences

Volkhonka str., 18/2, Moscow, 119019, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Петрова З.Ю. – Н.А. Фатеева. Поэзия как филологический дискурс // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 80–82. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-80-82.

неологизмов, который может лечь в основу дальнейшей лексикографической работы в этом направлении.

Охарактеризуем кратко содержание книги. Она состоит из трех глав. В первой главе под названием «Поэзия как самоописывающая система» рассматриваются фиксируемые поэтами психофизиологические процессы и состояния, сопровождающие поэтическое творчество. Центральный раздел первой главы посвящен поуровневому исследованию метаязыковой организации поэтического текста. Ученый выделяет следующие ее уровни: лексический (использование поэтами лингвистических и стиховедческих терминов, а также обозначений письменного и устного способов представления текста в качестве метаязыковых средств); фразеологический (обыгрывание фразеологизмов, содержащих лингвистические термины); лексикографический; словообразовательный (словотворчество, создание неологизмов); грамматический (объектом метаязыковой рефлексии поэта становятся грамматические категории и формы); фонетико-орфографический (обыгрывание звуков и букв, включая и метаграфемику – расположение текста на странице, внешний облик букв и пр.); диалектологический; пунктуационный; интерлингвистический; уровень стихосложения; текстовый уровень.

Заметим, что, строго говоря, возможно, не все указанные выше явления можно назвать термином *уровень*. Так, есть сомнения в правомерности отнесения к языковым уровням лексикографии, интерлингвистики (межязыкового взаимодействия), диалектных языковых особенностей.

Рассматривая динамические процессы в составе множества метаязыковых компонентов поэтического текста, Н.А. Фатеева приходит к выводу об усиении «профессионального» характера метаязыковой рефлексии к концу XX – началу XXI в.: «поэзия начинает совмещать собственно поэзию с параллельным исследовательским аппаратом, который относится к сфере метаязыка» (с. 81).

Среди наиболее частотных метаязыковых компонентов текста на всем протяжении развития поэтического языка можно назвать слово-понятие *рифма*, которому автор монографии посвящает в рамках первой главы отдельный изящный очерк. Особое внимание в нем уделяется образному представлению рифмы. Как и в других разделах книги, образные параллели,

характеризующие рифму, рассматриваются в диахронической перспективе. Основной круг образов формируется в XIX в., в произведениях Пушкина, Жуковского, Вяземского, Баратынского, например, персонифицирующие тропы, представляющие рифму как женский персонаж: подруга, шалунья, соблазнительница и пр., зооморфные тропы, а также образ рифмы как «брата слов», образ борьбы поэта с рифмой; отмечается и связь рифмы с образом дороги/пути. В более поздние периоды поэты, с одной стороны, развивают традиционные образные параллели, а с другой, в особенностях в поэзии последних лет, используют новые образные соответствия, например *зеркало* (В. Гандельсман, О. Nikolaeva), *рифф* ‘рефрен в джазовой и рок-музыке’ (Е. Чигрин) и др.

Во второй главе «Неологизмы и девиации: креативный аспект» рассматривается девиантность в поэзии как осознанный поэтический прием, относящийся к метаязыковым явлениям. В этой главе, как и в первой, анализируемый материал классифицируется по уровням организации текста: фонетико-орфографическому, лексико-семантическому, словообразовательному, грамматическому. Последнему уделяется наибольшее внимание: исследуются девиации в области категории рода имен существительных, категории возвратности у глагола. Выявляется смысловая обусловленность девиантных форм. Следует отметить вывод исследователя по поводу того, что креативный потенциал девиаций в поэтическом тексте следует оценивать не сам по себе, а с точки зрения развития, обогащения общенационального языка. Наибольшей «жизнеспособностью» обладают те нестандартные языковые формы, которые развивают возможности, заложенные в языковой системе, не вызывают трудностей интерпретации. Отдельный раздел второй главы посвящен создаваемым поэтами новым лингвопоэтическим и стиховедческим терминам, расширяющим представление о соответствующих денотатах – лингвистических и стихотворных явлениях. Н.А. Фатеева выделяет два способа создания поэтами терминов-неологизмов как элементов их «индивидуальной филологии»: 1) словообразование; 2) создание новых метафорических наименований. Отмечается, что словообразовательные метапоэтические неологизмы поэты начинают активно создавать в XX в., особенно много их у Хлебникова (*поец, звучко, читко, скорословарь, наимал, заумный язык*

и т.д.), Каменского (*словокант*, *словаль*, *словолей*, *звукань* и т.д.), Северянина (*поэзиться*, *опоэтиться*, *звукоткань*, *озеенеть*); метафоризация как способ создания индивидуальных метапоэтических обозначений встречается уже в XIX в., например *подстрижка слов* (вместо «усечение») у Вяземского, этот способ далее развивается в XX в. у футуристов (А. Крученых, И. Терентьев, И. Зданевич), появляются такие термины, как *двуухлавые слова*, *однорельсные слова*, *футуристический столбик* и пр. Словотворчество в области лингвопоэтической терминологии весьма активно развивается и в современной поэзии. Исследовательница иллюстрирует это явление многочисленными примерами из поэзии неофутуристов, концептуалистов и т.п. Практическим применением собранного обширного массива терминов-неологизмов, по мнению Н.А. Фатеевой, могло бы стать создание «Словаря метапоэтических неологизмов», словник которого составляет отдельный раздел монографии. Идея создания такого словаря представляется очень интересной и новой. Конечно, для его завершения потребуется большая работа: полезно дать контексты употребления каждого термина; возможно, сгруппировать слова по словообразовательным гнездам или дать соответствующие ссылки. Сам словник, как кажется, нуждается в некоторой корректировке: некоторые его единицы сложно отнести и к терминам, и к неологизмам, например *кровотечение речи*, *живоносные рифмы*.

Третья глава «Индивидуальные репрезентации метапоэтики» объединяет исследования несколько разного порядка. Два раздела этой главы посвящены собственно поэтическим идиостилям – В. Брюсова и И. Северянина. Интересный и новый аспект метапоэтических исследований представлен в разделе «“Взводень звонов” Валерия Брюсова как метатекст идиолекта Велимира Хлебникова»: изучается то, как один поэт метапоэтическими средствами изображает идиостиль другого, отбирая языковые средства, характерные для этого другого идиостиля.

В разделе «Поэзия Игоря Северянина как филологический дискурс» рассматриваются неологизмы-термины этого поэта, относящиеся к тематической группе «Язык поэзии, поэтическое творчество». Такой подход позволяет по-новому взглянуть на индивидуальный стиль Северянина, представив его как поэта-филолога.

В остальных трех разделах этой главы предмет исследования расширяется за счет включения в рассмотрение, во-первых, другого вида искусства – живописи, во-вторых, другого вида организации художественной речи – прозы и, в-третьих, науки – геометрии. Включение элементов живописи в метаязык поэзии рассматривается на материале отражения художественных принципов творчества Казимира Малевича в поэзии его современника – А. Крученых, в его собственных стихах и трактатах, в стихотворениях Д. Хармса и И. Бахтерева и затем – в поэзии Г. Айги, Л. Губанова, И. Бродского, М. Аввакумовой, А. Вознесенского. Два заключительных раздела третьей главы посвящены метаязыковой составляющей произведений В. Набокова. Здесь в исследование вовлекается проза, которую Н.А. Фатеева сближает с поэзией («Проза В. Набокова – явление поэтическое», с. 267, примечание), и язык геометрии, выполняющий функцию метаязыка в текстах Набокова. Исследовательница выявляет систему обозначений геометрических форм и фигур в творчестве Набокова, которая становится своеобразным метатекстом, надстраивающимся над текстами его романов.

И наконец, заключительная часть книги посвящена сближению современной поэзии с философией, в том плане, что метаязыковая рефлексия у ряда современных поэтов несет нагрузку философского осмыслиния мира.

Книга содержит также алфавитный указатель слов, обозначающих языковые и стиховые явления, которые встречаются в анализируемых текстах. Желательно было бы дополнить этот список указанием страниц, на которых появляются соответствующие слова.

В качестве направлений дальнейших исследований можно отметить, во-первых, предложенное самим автором создание словаря метапоэтических неологизмов. Во-вторых, во многих разделах книги рассматриваются образные параллели, включающие названия языковых явлений в функции образов сравнения и предметов сравнения. Напрашивается мысль о систематическом описании этих образных параллелей.

Книга Натальи Фатеевой представляется большой интерес для лингвистов и литератороведов, специалистов широкого гуманитарного профиля и любителей русской словесности.